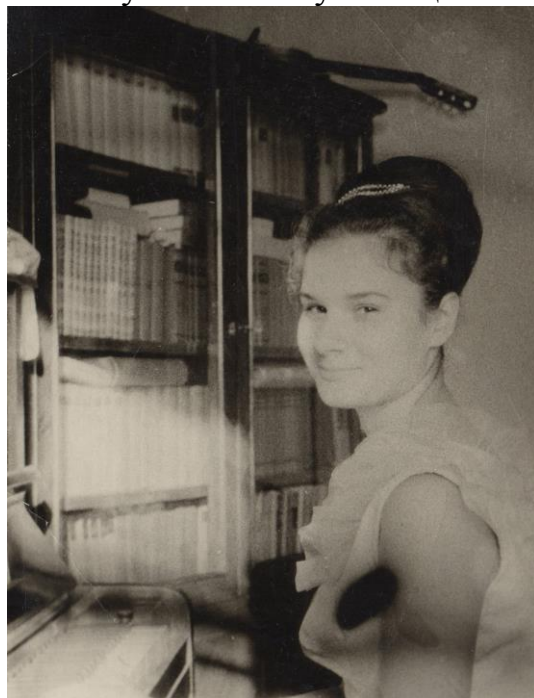

Воспоминания Ирины Айрапетовой (Костенковой), выпускницы теоретического отделения КМУ 1966 года

Трудно сейчас выделить в своих воспоминаниях только историю обучения на музыкально-теоретическом отделении Калининского музыкального училища. Поэтому поделюсь своим личным, пережитым в годы учёбы в музучилище. Буду откровенной, кроме того, вспоминая, всегда заново осмысливаешь события и мотивы...

Я, Ирина Айрапетова из гор. Горького, после окончания музыкальной школы № 12 решила поступать в музыкальное училище.

Мама русская, папа армянин. Отец приехал в Россию из Баку после аэроклуба, чтобы стать лётчиком. Впоследствии он стал Заслуженным лётчиком-испытателем СССР. Его отец и мой дед был ашугом (певцом-сказителем) в Нагорном Карабахе, играл на сазе и пел. Отец был очень музыкальным, самоучкой освоил мандолину и никогда с ней не расставался.

Мы, три сестры, учились музыке. Папа и старшая сестра покупали пластинки с записями классических и, конечно, эстрадных музыкальных произведений; в доме постоянно звучала музыка. Мамины русские родственники замечательно пели русские песни; отец же играл армянские мелодии. Потом как-то привёз киноаппарат и бобину с фильмом-оперой «Князь Игорь». В 5 лет я распевала в подъезде с хорошей акустикой арию Игоря «О, дайте, дайте мне свободу». Так я полюбила пение.

Позже был фильм «Возраст любви» с Лолитой Торрес. Отец записал на магнитофон музыку оттуда и я, в семь лет слушая ее, плакала – от того, что не могу петь так же красиво. Появилась мечта стать певицей. Я стала ходить в хор при ДК, выступала на детских и школьных

мероприятиях, в пионерском лагере. Аккомпанировала мне либо на фортепиано подружка (например, «Жаворонок» Глинки), либо, и чаще всего, сестра-близняшка – на аккордеоне.

Мы пели разные песни. По окончании музыкальной школы встал вопрос о дальнейшем образовании. Я сказала маме, что хочу быть певицей, но учиться можно на певицу можно было только с 18 лет.

Мама идею не одобрила, сказав, что театрально-артистическая богема – совсем не подходящая для меня среда. Сама она окончила техникум, училась на бухгалтера. Нравы в семье были очень строгими, а мама – властной. Нас не баловали, чувства и сентиментальные нежности не проявляли. Пишу об этом потому, что неумение проявлять свои чувства, создавать тёплые отношения очень сказались на личностных моментах моей дальнейшей жизни.

Я была очень застенчивой, зажатой, неуверенной в себе. Мама крайне редко нас хвалила и всегда ставила в пример более успешных, на её взгляд, наших подружек. Музыка, её эмоциональная сторона, навсегда стала для меня отдушиной; в ней я находила счастье.

По настоянию мамы, я должна была поступать в музыкальное училище на теоретическое отделение. Однако, у меня не было склонности к интеллектуальному анализу музыкальных произведений, я не понимала сути будущей специальности музыканта-теоретика, даже не умела организовывать свой учебный процесс. Мне было всего 14 лет, и Калининское музыкальное училище было последним, принимающим после 7-го класса.

Не стану лукавить: в этом училище на музыкально-теоретическом отделении работала **Лариса Васильевна Ведрова (Савровская)**, приходившаяся нам родственницей. Дело в том, что у моей бабушки был второй муж, мой «деденька»; Л.В. была замужем за его сыном Володей. Думаю, что именно она и предложила маме определить меня на учёбу в музыкальное училище.

Лариса Васильевна и Владимир Константинович ВЕДРОВЫ

Лариса Васильевна Ведрова была очень интеллигентным человеком. Её отличали сдержанность и корректность. Даже будучи недовольной, она

не позволяла себе нотаций и обидных определений по отношению к ученикам. Её дистанцированность воспитывала в нас ответственность и потребность ставить перед собой высокую планку.

Знаю, что часто огорчала Л.В. и она, видимо, переживала от того, что я оказалась слабо подготовленной, без личностных амбиций и нужных навыков. Я тоже страдала: учиться мне было трудно, я не умела организовывать своё время, была инфантильной и не понимала сути своей будущей профессии. Анатомирование музыки было мне чуждо, я любила в музыке эмоции, чувства и страсти!

Домашней девочке было 14 лет; ей было одиноко в съёмных квартирах, кончались деньги еще до того срока, когда мама высылала их в сберкассе. Тогда я и отправлялась в гости к дяде Володе и Ларисе Васильевне. Моё посещение не всегда было желанным, и я это понимала...

У памятника Афанасию Никитину. Стоит Ирина Айрапетова, сидят Лариса Васильевна и Владимир Константинович Ведровы.

Музыкальное училище находилось на Советской улице, напротив гостиницы «Селигер». Здание было старинным, кажется, даже с печным отоплением, ужасным туалетом, в котором стоял запах угарного газа. Второе здание находилось в другом месте и напоминало частный дом.

Ирина Айрапетова (Костенкова) в 1960-х

Помню, как нас, поступивших, собрали в классе, и перед нами с приветственным словом выступила педагог теоретического отделения **Наталья Григорьевна Бать**. Красивая и яркая, она заявила, что будущий теоретик-музыковед должен всего себя отдать музыкальной науке, забыть о личной жизни и постоянно совершенствоваться. Тогда её речь меня несколько напугала и озадачила; мне показалось, что я попала «не в свою тарелку».

Уже в первые месяцы учёбы преподаватель, **Олег Николаевич Томас**, который вел у нас курс зарубежной музыкальной литературы, дал нам задание конспектировать толстый фолиант «Истории зарубежной музыки» Р.И. Грубера. Текст был умопомрачительно-сложным, изобилдовал специфическими терминами и понятиями и породил полное непонимание цели такого труда! Однако таким образом Олег Николаевич пытался внедрить нас в новый мир! Он никогда не играл на фортепиано; иллюстрировал лекции прослушиванием пластинок. Речь его была живой, вполне понятной и немного насмешливой.

Со временем я поняла, что наши преподаватели относились к нам с иронией, несколько досадуя на то, что не видели в нас серьёзных своих выучеников. Преподаватель сольфеджио и гармонии **Дмитрий Иванович Лаптуров** иногда в отчаянии от невозможности добиться от нас нужного результата, например, в игре гармонических последовательностей, начинал биться головой об стену, сидя около неё на стуле. Мы пребывали в растерянности, но порадовать его все равно не могли. Он легко увлекался нашими заданиями и часто выполнял их сам, как бы в качестве образца для подражания.

Перед дипломом он каждому из нас дал тему для сочинения фуги. Мне была дана тема из кантаты Сергея Прокофьева «Александр Невский» – «Я пойду по полю белому» (№ 6). Тема мне очень нравилась, но я совсем не представляла себе процесс будущего сочинения и его результат. Д.И. с азартом сделал набросок развития фуги, увлечённо применяя своё умение создавать композицию. Впоследствии всё закончилось удачно – спасибо Дмитрию Ивановичу!

Очень строгим и требовательным был **Михаил Николаевич Сидельников**. В нём чувствовалась большая энергия, сарказм, даже некоторая беспощадность. Мне многое не удавалось, я часто впадала в стресс и не знала как с ним справиться, дело доходило до слёз. М.Н. говорил, что нужно работать над собой и добиваться результата. Главное – не жалеть себя, проливая слёзы, виня кого-то в своих неудачах, считать себя несчастным. Нас не только обучали, но и воспитывали, развивали личностные качества.

Помню, как Михаил Николаевич говорил об интонации в мелодии, её движении, её роли в создании музыкального образа. В качестве примера он приводил песню, которая была в то время очень популярной – «Марш коммунистических бригад» (муз. А. Новикова, сл. В. Харитонова). Напевая мотив песни, М.Н. показывал (простите!) кукиш и объяснял, что нельзя в стихах стремиться к высотам, показывать торжество, а в мелодии использовать нисходящее движение, и интонации уныния! Было ясно, что в этом заключалось отношение Сидельникова к реалиям времени, которые он воспринимал критически. Но мы, конечно, этого не осознавали, политика нас не занимала.

Хорошим примером для нас были старшекурсники, хотя общались мы не часто. Но особенно сближались во время осенних поездок в колхоз, на сельхозработы. Были также общие училищные мероприятия на праздниках.

В колхозе. Слева направо: Алла Фёдорова (Бевзенко), неизв, неизв, Наташа Левагина, неизв, Галя Калистратова, Таня Астафьева, Лариса Карпова (Заманская).

Таня Александрова, которая училась на ТО двумя годами старше, всегда поражала меня своим умением танцевать рок-н-ролл. Это было феерично, с безупречным чувством ритма, великолепной координацией с партнёром! Я как-то пропустила все увлечения «битлами», шейками и прочими новомодными заграничными штучками; осталась весьма консервативной, но ценила в других способность воспринимать и адаптировать последние молодежные новинки.

На курсе со мной учились Таня Астафьева (Юринова), Таня Селивёрстова, Лариса Карпова (Заманская), Наташа Левагина. С Таней Астафьевой мы были близки, она была замечательным другом и очень меня поддерживала. Её карьера в гор. Нелидово сложилась весьма успешно! Лариса Карпова уехала в Москву и кажется, поступила в университет. Как сложилась судьба Тани Селивёрстовой я не знаю...

Однокурсница Таня Астафьева (Юринова)

Однокурсница Таня Селиверстова

Ирина Эфрос - выпускница ТО 1965

Лариса Карнова и Ирина Айрапетова на зимней Волге

На училищных вечеринках обычно играли студенты отделения народных инструментов, причём не на своих инструментах, а на тех, что образовывали джазовый ансамбль. Это тоже меня поражало и осталось в памяти.

На 3-м или 4-м курсе у нас ввели предмет под названием «общий вокал». Я с удовольствием стала заниматься пением в классе **Галины Витольдовны Тимофеевой**, пела русские романсы. Потом стала брать частные уроки вокала у **Дорины Петровны Захарченко**. Впоследствии, уже работая по распределению в Старице после окончания училища, я ездила к ней на уроки. Однако это скоро закончилось, т.к. меня буквально одолели частые ангины.

В Старице у меня было много времени на подготовку в вуз, все девушки, преподававшие в нашей школе, готовились к поступлению. Но мой будущий муж считал, что мне это не нужно. Сам он защитился в области машиностроения и

достиг поста директора НИИ. А я после стажировки проработала в ДМШ № 1 гор. Дзержинска 38 лет!

Профессиональную деятельность рядового преподавателя плодотворно сочетала с общественно-просветительской на благо школы и города. Вокал был моей страстью! Преподавать больше любила музыкальную литературу, сольфеджио моих душевных струн как-то не задевало. В целом мне всегда казалось, что музыкальная школа должна привить ученику музыкальный вкус, дать кругозор, воспитать умение наслаждаться музыкой.

Сейчас я считаю, что вполне реализовалась в рамках своих амбиций. Возможно все могло быть иначе, будь в моей семье другие семейные установки. Но я ни о чём не жалею: свой скромный вклад в культуру я делала искренне и по мере своих возможностей.

Выпуск 1966 года

Студенты: верхний ряд слева направо Николай Устинов, Алла ?, Татьяна Селивёрстова, Татьяна Астафьева (Юринова), неустлицо, Наталья Левагина, Надежда Можаева, Юрий Штуко, Валентина Карпова, Валерий Касеян, Нина Барановская, Надежда Корнева, Альфия Иткинова и Владимир Былинкин, Светлана Фурман (Шубкина), неуст лица.

Преподаватели (сидят в первом ряду): Дмитрий Иванович Лаптуров, Вера Сергеевна Черина, Людмила Николаевна Темникова, Яков Абрамович Киппер, Галина Ивановна Васильева, Ирина Александровна Филиппова, Инна Ивановна Слесарева, Александр Львович Бурштейн.